

ТЕМА ДНЯ

Какое совпадение: 1 апреля одновременно празднуются и День смеха, и день рождения Николая Васильевича Гоголя. Ему — 185 лет. Что-то, а смеяться и смешить Николай Васильевич умел. От него пошла в нашей литературе традиция, которую не удалось убить даже в самые мрачные времена.

Петербург — немец, говаривал Гоголь, а Москва — русская борода. Колизей у него — «синьор Колисей», нос М. П. Погодина — не просто нос, а «фельдмаршал». Кусок телятины, теснящий в желудке яства, он сравнивал с городничим, входящим в церковь. Каждая мелочь у него смешна и таинственна. И губернатор, вышивающий по тюлю, и почтмейстер, к которому всегда обращаются «Шпрехен зи дейч, Иван Андреевич», и чиновник с кувшинным рылом, и никому не ведомый человек с причудливой фамилией Доезжай-недоедеш. И судебный заседатель, от которого всегда такой запах, будто он только что вышел из винокуренного завода. По утверждению самого заседателя, запах этот природный, с тех самых пор, как его в детстве ушибла мамка.

Горьким словом моим посмеюся

С каким наслаждением Николай Васильевич описывает страну, где невозможно ничего объяснить до конца, где жизнью управляет нелепица, с каким смаком и богатством подробностей живописует мелкие пошлости убогого провинциального быта и души маленьких подленьких чиновников! По правде сказать, место действия его книг имеет столько же общего с реальной Россией, как шекспировский Эльсинор с реальной Данией. Вернее было бы назвать его Страной пошлости. Сколько существует мыслящая Россия, столько ощущают ее нравственно тонкие граждане vorovattoe липкое прикосновение пошлости. Это не значит, что в других местах ее нет. Просто мы ее острее чувствуем и даже в отличие от других европейских народов обозначили это явление специальным словом.

Оглядимся вокруг: разве со времен Гоголя пошлости стало меньше? Если бы так! Сколько мнимокрасивых, мнимозначительных книг, безвкусно-грубых зрелищ, банальных тирад заполняют мир... Пошлость — это жизнь, на какие-то мгновения лишенная высшего смысла. И чтобы не погрузиться в нее навсегда, последуем примеру Гоголя: посмеемся над ней. Ведь даже пошляк самого крупного калибра так или иначе имеет изъян, червоточину, из которой, как из порченного яблока, непременно выглядывает червячок глупости, исконного идиотизма пошлости.

«Горьким словом моим посмеюся»... Эти строки из книги пророка Иеремии высечены на надгробии Гоголя. Смех его горек? Да. Но это не главное. Главное в том, что смех Гоголя не саркастичен и не зол. В нем нет гордости и надменности, мести и необратимого суда.

Гоголь был убежден, что искусство способно переделать жизнь согласно идеалу поэта. Но как совместить эту высокую цель со смехом? Гоголь видит только один путь — путь любви. И потому его смех в состоянии помочь даже погибающим — восстать, вознестись над смертью. В нем есть сострадание. Есть надежда. Он светел.

Реалии нашей сегодняшней жизни, спору нет, мрачны. Но есть среди них одна поистине замечательная: смеяться, подшучивать, пересмешивать можно сколько угодно, вволю в противоположность временам не столь далеким, когда юмор изгонялся из общественной жизни. Чиновники в сером тоже иной раз позволяли себе шутки — но делали это натужно и непотешно, поскольку смех противоречил их природе. На истинно же веселого человека смотрели как на чужака, подлинную шутку воспринимали как отклонение от нормы. Калечили характер народа, приучали его к занудству.

Теперь — дело другое, шутки — не хоч. И человеку, который умеет это делать лучше всех в государстве, аплодируют на его юбилее академики и государственные мужи. Общественная польза от этого огромна. Ведь не ради же красного словца говорится — «юмор — здровье нации».

Будем же смеяться над злом во всех его обличьях и над собственным несовершенством. Будем смеяться жизнерадостно, добродушно и светло. Как Гоголь.

Илья МЕДОВОЙ.

Культура. — 1994. — Jan. — С. 1.